

Месса привидѣній.

Разсказъ **Анатолія Франсъ.**

Вотъ что разсказывалъ мнѣ пономарь церкви св. Евлаліи въ Невиль-д'Омонѣ, сидя со мной въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ подъ зеленымъ трельяжемъ „Бѣлой Лошади“ и распивая бутылочку стараго вина за здоровье зажиточнаго покойника, котораго онъ этимъ утромъ спустилъ въ землю съ большимъ почетомъ, подъ богатымъ шелковымъ покровомъ, усѣяннымъ красивыми, серебряными звѣздами.

„Мой бѣдный покойный родитель (это говоритъ пономарь) былъ при жизни могильщикомъ. У него былъ очень пріятный складъ мыслей, что, по всей вѣроятности, происходило отъ его занятія; ибо замѣчено, что работающія на кладбищахъ лица отличаются настроеніемъ веселымъ и легкимъ. Смерть не пугаетъ ихъ: они и не думаютъ о ней никогда. Я, говорящій съ вами, сударь, вхожу на кладбище по ночамъ съ такимъ же спокойствіемъ, какъ подъ навѣсъ „Бѣлой Лошади“, а если случаемъ и встрѣтится привидѣніе, я ни чуточки не беспокоюсь по той простой причинѣ, что оно можетъ идти по своимъ дѣламъ точь-въ-точь, какъ и я иду по своимъ. Я очень хорошо знаю привычки покойниковъ и ихъ характеръ. Мнѣ извѣстны о нихъ такія вещи, какихъ сами священники не знаютъ. И если бы я поразсказалъ все, что видѣлъ, вы бы диву дались. Но не обо всѣхъ истинахъ можно говорить открыто, и мой отецъ, который таки любилъ поразсказать разныя исторіи, не открылъ и двадцатой части изъ того, что ему было извѣстно. За то онъ повторялъ очень часто однѣ и тѣ же исторіи и я думаю, что онъ разсказалъ никакъ не менѣе ста разъ приключенія Катерины Фонтэнъ.

Катерина Фонтэнъ была старая барышня, которую онъ видѣлъ своими глазами, когда былъ маленькимъ паренькомъ. Я не

удивлюсь, если найдутся въ странѣ два—три старика, которые помнятъ, что слышали о ней, ибо она была очень извѣстна и пользовалась прекрасной репутаціей, хотя и была бѣдна. Она жила на улицѣ Монахинь въ башенькѣ, которую вы можете увидѣть и до сихъ поръ; принадлежала она старому полуразрушенному дому, выходящему къ садамъ Урсулитокъ. На этой башенькѣ можно видѣть и до сихъ поръ фигуры и надписи, наполовину стертые. Покойный кюрэ св. Евлаліи, г-нъ Левассеръ, увѣрялъ будто тамъ написано по латыни, что *любовь сильнѣе смерти*. Къ этому онъ прибавляетъ всегда, что дѣло идетъ о божественной любви.

Катерина Фонтэнъ жила одна-одинешенька въ этомъ маленькомъ помѣщеніи. Она была кружевница. А вамъ извѣстно, вѣроятно, что кружева въ нашей странѣ пользовались въ прежнія времена большою извѣстностью. У нея не было ни родныхъ, ни друзей. Рассказывали, что въ 18 лѣтъ она любила молодого шевалье д'Омонъ-Клэри, съ которымъ она была тайно обручена. Но знатные люди не хотѣли вѣрить этому, считали все это сказкой, придуманной по тому, что Катерина Фонтэнъ походила болѣе на даму, чѣмъ на работницу, и носила подъ своими бѣлыми волосами слѣды большой красоты; и еще потому, что у нея всегда былъ грустный видъ и носила она на одномъ изъ пальцевъ перстень, на которомъ были вырѣзаны двѣ маленькія соединенныя руки. Такими перстнями въ старину часто обмѣнивались при обрученіи. Въ чемъ тутъ было дѣло, вы скоро узнаете изъ моего разсказа.

Катерина Фонтэнъ жила какъ святая. Она аккуратно ходила въ церковь и каждое утро—какая бы ни была погода—въ 6 часовъ отправлялась на утреннюю мессу въ церковь св. Евлаліи.

Только разъ, въ темную декабрьскую ночь, когда она уже лежала въ постели въ своей свѣтелкѣ, ее разбудилъ перезвонъ колоколовъ; не сомнѣваясь, что это звонили къ ранней обѣднѣ, благочестивая дѣвушка одѣлась и спустилась на улицу, гдѣ ночь была такъ черна, что нельзя было различить домовъ и не было видно ни единаго просвѣта на почернѣвшемъ небѣ. И была такая мертвая тишина среди этой тьмы, что не было слышно даже отдаленнаго собачьяго лая и можно было почувствовать себя совсѣмъ оторваннымъ отъ всего живого. Но Катерина Фонтэнъ, которая знала наизусть каждый камешекъ на дорогѣ и могла дойти до церкви съ завязанными глазами, безъ труда достигла угла улицы Монахинь и Приходской, гдѣ находится деревянный домъ съ деревомъ Іессея, вырѣзаннымъ на толстой балкѣ. Подойдя къ этому мѣсту, она увидала, что двери церкви были настежь открыты и

изнутри изливался свѣтъ отъ множества зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Она продолжала идти и, минуя притворъ, очутилась среди многочисленнаго сборища, наполнявшаго церковь. Но она не узнавала никого и была очень удивлена, что всѣ молящіеся были въ одеждахъ изъ бархата и парчи, съ большими перьями на шляпахъ и со шпагами на боку, по модѣ давно прошедшихъ временъ. Были тамъ и знатные вельможи, державшіе въ рукахъ высокія трости съ золотыми набалдашниками, и знатныя дамы съ покрытой кружевами прической, прихваченной гребнемъ въ видѣ діадемы. Кавалеры ордена св. Людовика предлагали руку наряднымъ дамамъ, прикрывавшимъ вѣерами раскрашенныя лица, отъ которыхъ только и было видно, что напудренный високъ, да черная мушка на верхней части щеки.... И всѣ они переходили съ мѣста на мѣсто безъ всякаго звука, и когда они шли, не слышно было ни шума шаговъ по каменнымъ плитамъ церкви, ни шуршанія шелковыхъ тканей. Боковые притворы наполнились толпой молодыхъ ремесленниковъ въ коричневыхъ курткахъ, штанахъ изъ толстой матеріи и въ голубыхъ чулкахъ; они обнимали за талію молоденькихъ дѣвушекъ съ розовыми щеками и опущенными глазами. А около кропильницы крестьянки въ красныхъ юбкахъ и въ переплетенныхъ на груди корсажахъ садились на полъ съ спокойствіемъ домашнихъ животныхъ, а позади ихъ стояли молодые парни, вытаращивъ глаза и вертя въ пальцахъ свои шляпы. И всѣ эти молчаливыя лица казались на-вѣки застывшими съ одной и той же мыслью, кроткой и грустной.

Преклонивъ колѣни на своемъ обычномъ мѣстѣ, Катерина Фонтэнъ увидала священника, идущаго къ алтарю, предшествуемаго двумя церковными служками. Она не узнала ни священника, ни служекъ. Обѣдня началась. Это была молчаливая месса, ни единого звука не исходило изъ шевелящихся губъ и молча раскачивались серебряные колокольчики. Катерина Фонтэнъ чувствовала на себѣ взоры своего таинственнаго сосѣда и, посмотрѣвъ на него исподтишка, почти не поворачивая головы, она узнала молодого шевалье д'Омонъ-Клери, который любилъ ее и былъ похороненъ 45 лѣтъ назадъ. Она узнала его по маленькой отмѣтинѣ, которую онъ имѣлъ подъ лѣвымъ ухомъ и въ особенности по тѣни, которую отбрасывали его длинныя черныя рѣсницы. Онъ былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ, красный съ золотыми галунами, который онъ носилъ въ тотъ день, когда, встрѣтивъ ее въ лѣсу св. Леонарда, попросилъ у нея напитокъ и сорвалъ съ нея устъ первый поцѣлуй. Онъ сохранилъ свою молодость и свой прекрасный видъ; улыбка

его открывала зубы, такіе же бѣлые и крѣпкіе, какъ у молодого волка. Катерина сказала ему потихоньку:

„Мой господинъ, вы, который были мнѣ другомъ и которому я отдала все, что дѣвушка можетъ отдать, да хранитъ васъ Господь своей милостью! И да пошлетъ Онъ мнѣ раскаяніе въ грѣхѣ, который я совершила съ вами; ибо воистину, доживъ до бѣлыхъ волосъ и стоя на порогѣ смерти, я все же не могу раскаяться, что любила васъ. Но скажите мнѣ, мой усопшій другъ и прекрасный господинъ, *кто* эти люди въ древнихъ костюмахъ, слушающіе здѣсь эту безмолвную мессу“?

Шевалье д’Оманъ-Клэри отвѣчалъ голосомъ слабымъ, какъ легкое дуновение и въ то же время яснымъ, какъ кристалль.

„Катерина, эти мужчины и эти женщины—души изъ чистилища, оскорбившіе Бога такимъ же грѣхомъ, какимъ мы согрѣшили съ тобой, но которые не удалены за это отъ Бога, ибо ихъ грѣхъ былъ—какъ и нашъ—безъ дурного умысла.

„Разлученные съ тѣми, которыхъ они любили на землѣ, они очищаются въ неугасимомъ огнѣ чистилища, они страдаютъ мученіемъ разлуки, и это мученіе для нихъ самое жестокое. Они такъ несчастны, что ангель съ небесъ сжалился надъ ихъ любовной мукой. Съ дозволенія Божія, онъ соединяетъ ежегодно, въ теченіе одного ночного часа, разлученныхъ друзей въ ихъ приходской церкви, гдѣ имъ дозволено прослушать обѣдню, держа одинъ другого за руку. Я сказалъ тебѣ всю правду. И если мнѣ позволено увидать тебя здѣсь, передъ твоей смертью, Катерина, это не могло совершиться безъ соизволенія Господня“.

На что Катерина Фонтэнъ отвѣтила:

„Я согласилась бы умереть, чтобы вернуть красоту тѣхъ дней, когда ты приходилъ ко мнѣ въ лѣсъ и я давала тебѣ воды, мой усопшій господинъ“.

Въ то время какъ они потихоньку разговаривали такимъ образомъ, очень старый каноникъ обходилъ церковь съ большимъ мѣднымъ блюдомъ и всѣ присутствующіе одинъ за другимъ бросали на него старинныя монеты, вышедшія давно изъ употребленія: экю въ шесть ливровъ, флорины, дукаты и другія, и всѣ эти монеты падали, не производя никакого шума. Когда мѣдное блюдо достигло до шевалье д’Омонъ-Клэри, онъ опустилъ на него луидоръ, который не произвелъ никакого звука такъ же, какъ и другія золотыя и серебряныя монеты.

Затѣмъ, старый каноникъ остановился передъ Катериной Фонтэнъ, которая опустила руку въ карманъ, но къ своему боль-

шому горю не нашла ни одного ліарда. Тогда, желая непременно дать и свою лепту, она сняла съ пальца кольцо, которое шевалье далъ ей наканунѣ своей смерти, и бросила его на мѣдное блюдо. Золотое кольцо, падая, зазвучало какъ тяжелый ударъ колокола и при этомъ звукѣ всѣ—шевалье, каноникъ, патеръ, церковные служки, дамы и кавалеры, и всѣ присутствующіе, исчезли безъ слѣда; свѣчи погасли и Катерина Фонтэнъ осталась одна во мракѣ.

Закончивъ такимъ образомъ свой рассказъ, пономарь выпилъ залпомъ стаканъ вина, пробылъ нѣсколько мгновеній въ задумчивости, а затѣмъ заговорилъ:

„Я рассказывалъ вамъ эту исторію такъ, какъ рассказывалъ ее мой отецъ сотни разъ, и я думаю что она истинная, потому что она вполне совпадаетъ съ нравами покойниковъ, которые я наблюдаю уже много лѣтъ. Я былъ очень много около мертвецовъ съ самаго дѣтства и я знаю, что они сохраняютъ свои привязанности.

Возьмите умершихъ скрягъ: они бродятъ по ночамъ около сокровищъ, которыя прятали при жизни. Они неусыпно стерегутъ свои деньги: но это имъ служить не въ пользу, а во вредъ, такъ какъ нерѣдко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бродятъ привидѣнія, копаютъ землю и находятъ зарытое золото. Точно также и покойные мужья являются по ночамъ и мучаютъ своихъ женъ, вышедшихъ вторично замужъ, и я бы могъ назвать вамъ нѣсколькихъ, которые послѣ смерти охраняли своихъ женъ лучше, чѣмъ при жизни.

Этихъ я, по правдѣ, сказать, никогда не одобрялъ; покойникамъ совсѣмъ не слѣдовало бы ревновать; но я рассказываю вамъ то, что самъ наблюдалъ, и вотъ почему нужно очень остерегаться, когда берешь въ жены вдову. Кромѣ всего этого, исторія, которую я вамъ рассказалъ, подтверждается вотъ чѣмъ: по утру, послѣ этой необыкновенной ночи, Катерина Фонтэнъ была найдена въ своей комнатѣ мертвой. А церковный сторожъ св. Евлаліи нашель на другой день на мѣдномъ блюдѣ, служившемъ для сбора денегъ, золотое кольцо съ двумя соединенными руками. Да и я не таковскій, чтобы придумывать сказки для забавы!

Не спросить ли намъ еще бутылочку вина?“...

Пер. Е. П.

